

ние сил в Областном ВРК изменилось в пользу большевиков¹²⁰. На заседании 25 ноября большинством в 1 голос (20 против 19) Комитет постановил предъявить Донскому правительству ультиматум, включающий в себя следующие требования:

- 1) отказ Войскового правительства от всякого притязания на власть;
 - 2) отмена военного положения;
 - 3) возвращение оружия разоруженным пехотным частям.
- На размышления отводилось 24 часа.

Представители меньшевиков, эсеров, городских самоуправлений, железнодорожного союза и Областного военного комитета в знак протеста вышли из состава Военно-революционного комитета. В своем воззвании они разъясняли причину разрыва с «ленинцами» и требовали немедленного разоружения ростовской Красной гвардии.

Мирное соглашение между Калединым¹²¹ и большевиками с этого момента было уже невозможно. Начало военных действий оставалось лишь вопросом недолгого времени...

2.4. Прибытие Алексева в Новочеркасск. Начало формирования Алексеевской организации

30 октября генерал Алексеев, убедившись в бесперспективности организовать противодействие большевикам в Петрограде, покинул столицу и согласно намеченному ранее плану,¹²² выехал на Дон. Генерал выбрал кружной маршрут, через Москву, Царицын, Тихорецкую и Ростов.

¹²⁰ Председателем Комитета солдатских и офицерских депутатов был переизбран вместо Нудельмана лояльный по отношению к большевикам солдат Блюм. Изменили свою позицию и запасные полки. Вначале они заявили о «нейтралитете». А позже, по примеру 255-го полка, где умелую агитацию вёл солдат-большевик Власенко, перешли на сторону большевиков.

¹²¹ Каледин говорил потом, что ему «страшно было пролить первую кровь». Хочется думать, что подобные же сомнения испытывали и его оппоненты. Но деваться было некуда, и договариваться уже не о чем.

¹²² В последнем своём приказе остающимся в подполье офицерским организациям генерал требовал приступить к посылке добровольцев на Дон немедленно по получению от него условной телеграммы.

2 ноября 1917 г.¹²³ в сопровождении своего адъютанта ротмистра Шапрона и шести офицеров и юнкеров, присоединившихся в Ростове, он прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы.

Дон в качестве базы был выбран Алексеевым не случайно. Донское войско было самым сильным из всех казачьих войск. На Дон удалось стянуть с фронта достаточно сил. Представлялось при этом, что если разложение и коснулось донских полков, то всё же в меньшей степени. В любом случае, считалось само собой разумеющимся, что за родные станицы казаки воевать будут. Немаловажным, конечно, было то, что во главе Области стоял генерал Каледин, политические симпатии которого секрета не составляли.

Предполагалось обратиться к офицерскому корпусу с призывом прибыть в Новочеркасск и в короткий срок создать из числа прибывших боеспособные соединения для дальнейшей борьбы с большевиками. Комплектование должно было производиться на добровольных началах. Впрочем, в создавшихся условиях иного и быть не могло. При этом на первых порах развёртывание новой армии должны были прикрыть казаки. Предполагалось, что в последствии, по мере роста численности и перехода к активным действиям, армия, не отказываясь ни от чьей дружественной помощи, при необходимости могла ограничиться и своими силами.

Идея не представлялась совершенно уж фантастической. Офицерский корпус насчитывал в своих рядах до 400000 человек. Прибудь на Дон хотя бы каждый десятый, подтянись к ним не принявшие большевизма солдаты-фронтовики, всё могло бы ещё получиться. Плотные солдатские массы воевать против кого бы то ни было и за что угодно, отказывались категорически. В лучшем, да и в худшем случае тоже, спешили занять позицию столь популярного в те дни «нейтралитета». Красногвардейцы отличались большей устойчивостью, но военная их подготовка, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Матросов *тоже было немного...*

¹²³ Эта дата считается днём рождения будущей Добровольческой армии.

Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева на прямую просьбу «дать приют русскому офицерству», ответил уклончиво. С одной стороны, он не возражал и готов был предоставить соответствующее помещение. С другой – так же прямо ответил, что ситуация в области сложная, казаки, не говоря уже о неказачьем населении, отнесутся к предприятию в большинстве своём неприязненно. В виду чего просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске *больше недели* и затем перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы Области, в Ставрополь или Камышин.

Алексеев с несколькими офицерами поселился в лазарете №2¹²⁴, расположенном на улице Барочной, 39. Помещение лазарета, переоборудованное вскоре под офицерское общежитие, и стало местом сбора будущей армии. В Петроград, в одно из благотворительных обществ была направлена условная телеграмма, давшая отмашку на посылку в Новочеркасск офицеров. В незакрытых ещё большевиками независимых газетах открыто были размещены соответствующие объявления, и дело пошло. Как ни странно, в охваченной апатией стране нашлось немало организаций и даже частных доброжелателей, которые исключительно по идейным соображениям принялись переправлять офицеров на Дон.

С деньгами было куда сложнее. За весь ноябрь организация, получившая наименование «Алексеевской»¹²⁵, приняла всего лишь одно пожертвование в 400 руб. Этим материальная по-

М.В. Алексеев

¹²⁴ Лазарет освободили от раненых и больных, но оставили медицинский персонал. Первых прибывших встретили приветливо и радушно, отвели комнату, накормили. Впервые за несколько дней они смогли спокойно отоспаться.

¹²⁵ Поначалу формирование проходило под вывеской «Организации кадров по воссозданию Русской армии». Однако официальное, излишне громоздкое наименование не прижилось.

мощь российского общества, финансовых и промышленных кругов и ограничилась¹²⁶. Посильную лепту в виде помощи «бегенцам» вносили сам Каледин и его жена.

Алексеев ушёл в работу с головой. Вот что пишет о нём Деникин: «Было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший Верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Начали прибывать первые добровольцы. И поначалу в немалом количестве, по 75–80 человек в день¹²⁷. Потом поток начал постепенно иссякать. Объяснение этому самое простое. К началу ноября в Петрограде и Москве скопилось немало людей, готовых откликнуться на призыв Алексеева. По соглашению о сдаче юнкера¹²⁸ и офицеры разоружались и отпускались по домам. В течение нескольких дней они отправлялись на Дон. Разновременность прибытия обуславливалась разными каналами доставки и спецификой комплектования групп¹²⁹. В первое вре-

¹²⁶ Некоторые финансовые учреждения мотивировали отказ выдать денежные субсидии, ссылаясь на циркулярное письмо Корнилова, предписывающее направлять средства исключительно на адрес Завойко. Принял что-либо адъютант Корнилова, или нет, неизвестно. Но по этому каналу Алексеев не получил ни рубля.

¹²⁷ 4 ноября из Петрограда прибыла партия в составе 25 человек под началом штабс-капитана Парфёнова. Эта группа добровольцев выехала из столицы по собственной инициативе, ещё до получения условной телеграммы об отправке.

¹²⁸ Из Петрограда группами по несколько человек смог пробраться на Дон почти весь старший курс Константиновского артиллерийского училища и несколько десятков юнкеров Михайловского и других военных училищ. Куда меньше добровольцев, во многом, из-за худшей организации отправки, дала Москва. Следует в этой связи упомянуть о сестре милосердия М.А. Нестерович, которая по собственной инициативе собирала группы добровольцев и под видом раненых и больных доставляла их в Новочеркасск. За два месяца до самого ареста она успела совершить 7 поездок на Дон, и каждый раз возвращалась в Москву с поручениями от Алексеева.

¹²⁹ Союз казачьих войск, например, с конца октября формировал в Петрограде группы по 5 человек и по мере комплектования без промедления переправлял их на Дон.

мя никто не снабжал их документами, да и с проездом до самого декабря почти не было особых затруднений. Занятые Ставкой и Украиной большевики смирились временно с существованием независимого Дона. Раде также было не до офицеров, пробирающихся на Дон через Украинскую территорию. В первых числах ноября прибыл из Киева небольшой кадр Георгиевского полка.

Прибыли постепенно все те, кто и собирался. А потом, на Дон стали пробираться по одиночке люди «второй волны». Это были в основном офицеры. Покидающие свои части и распадающийся фронт. Не желающие попасть под расстрел и попавшие под реквизицию. Из «самостийной» Украины и Великоросских центральных губерний. Уже и с поддельными документами, так как пробираться стало куда трудней. Донская область обкладывалась постепенно советскими заслонами со всех сторон.

В середине ноября, когда добровольцев собралось уже больше двухсот, была введена официальная запись в Алексеевскую организацию. Все вновь прибывшие регистрировались в Бюро записи¹³⁰, где письменно подтверждали, что записываются в организацию добровольно и обязуются не покидать её рядов в течение 4-х месяцев¹³¹. Затем добровольцы направлялись в штаб, на Барочную, 56, где распределялись по частям.

Уже 4 ноября была сформирована Сводно-Офицерская рота (на момент образования до 40 штыков). К середине ноября в её составе насчитывалось до 180 человек, к концу ноября – свыше двухсот¹³².

15 ноября была сформирована Юнкерская рота (командир штабс-капитан Парфенов В.Д.). В её состав вошли юнкера, кадеты и учащиеся, выделенные из состава Сводно-Офицерской

¹³⁰ Под №1 был записан генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

¹³¹ Денежного довольствия до начала декабря не существовало за отсутствием достаточных средств, всё содержание ограничивалось продовольственным пайком.

¹³² Командир роты штабс-капитан В.Д. Парфёнов. 15 ноября 1917 г. переименована в Офицерскую роту. Командир – штабс-капитан Некрашевич. Заместитель командира капитан Наинский. Впоследствии рота использовалась как база для развёртывания вновь создаваемых подразделений.

роты. Рота состояла из четырёх взводов: 1-й взвод из юнкеров московских пехотных училищ¹³³; 2-й взвод – из артиллерийских училищ; 3-й взвод – из морских училищ; 4-й взвод из кадет и учащихся. Под роту была выделена отдельная казарма, которая располагалась в здании лазарета №23, на Грушевской улице.

19 ноября на базе 2-го взвода Юнкерской роты создаётся первая добровольческая батарея, а сама рота была развернута в Юнкерский батальон в составе двух юнкерских рот и одной кадетской. Во второй половине ноября насчитывал свыше 150 человек. В начале декабря, после потерь понесённых в боях за Ростов, батальон был сведён к двух ротному составу: юнкерская и кадетская роты¹³⁴.

С середины ноября из состава кадра прибывшего Георгиевского полка начала формироваться Георгиевская рота численностью до 60-ти человек. В начале декабря была переименована в 1-ю Офицерскую роту¹³⁵.

19 ноября из личного состава 2-го взвода Юнкерской роты и юнкеров Михайловского и Константиновских училищ была сформирована Сводная Михайловско-Константиновская батарея¹³⁶. На момент формирования насчитывала около 100 человек. Во второй половине ноября – до 250 человек (из них 190 – «константиновцев» и 60 – «михайловцев¹³⁷»). Батарея была

¹³³ В основном – из юнкеров Павловского училища.

¹³⁴ Командир батальона штабс-капитан В.Д. Парфёнов; командиры рот: 1-й (юнкерской) – ротмистр Скасырский, 2-й (кадетской) – штабс-капитан М.В. Мезерницкий. 25 ноября Юнкерский батальон был переведён в здание Донского кадетского корпуса.

¹³⁵ Командир роты полковник И.К. Кириенко. 13 декабря была переименована вновь в Георгиевскую.

¹³⁶ Командир батареи штабс-капитан Н.А. Шаколи, курсовой офицер Михайловского училища, единственный из курсовых офицеров обоих училищ, прибывший с юнкерами на Дон. С 14 декабря – подполковник Д.Т. Миончинский.

¹³⁷ Марков, чьё имя неразрывно связано с Юнкерской батареей, в беседе с личным составом говорил:

– Мне особенно приятно видеть вас здесь, юнкеров двух артиллерийских училищ, честию которых я всегда дорожил. Константиновское училище я окончил, а в Михайловском преподавал.

размещена в здании Платовской мужской гимназии, на Ермаковском проспекте, дом №52. Просуществовала до середины декабря 1917 г., когда на её базе в Новочеркасске были сформированы 1-я (которую по традиции иногда продолжали называть Михайловско-Константиновской), и частично, 3-я батареи 1-го Отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона.

История создания легендарной Сводной Михайловско-Константиновской батареи похожа на сказку¹³⁸. Во время боёв за Ростов Алексеевская организация своей артиллерии не имела. В то же время становилось очевидным, что без артиллерийской поддержки воевать было невозможно. Изъять орудия из донских батарей нечего было даже и думать, казаки ревностно относились к вооружению. Ничем, кроме совета, не мог помочь и Каледин.

Атаманом совместно с Алексеевым была разработана следующая операция. По поступившим сведениям в селе Лежанка Ставропольской губернии стали части 39-й пехотной дивизии с артиллерией. Захват батареи и стал целью планируемого налёта. Замысел состоял в следующем. В станицу Великокняжескую из Новочеркасска направлялся транспорт с оружием. В сопровождение выделялись 25 офицеров и юнкеров Новочеркасского военного училища, а от Юнкерской батареи 1 офицер, 5 юнкеров и... вахмистр княжна Черкасская, супруга поручика Давыдова¹³⁹. Молодая, смелая девушка выразила желание участвовать в экспедиции, мотивируя это тем, что ей проще было бы провести при необходимости разведку. Предполагалось, что от зимовника Сопрунова транспорт с незначительной охраной проследует по маршруту к месту назначения, а отряд из 25-ти офицеров и юнкеров под командованием лейтенанта Герасимова спустится к Лежанке и при поддержке «внушающей некото-

¹³⁸ Эпизоду захвата юнкерами батареи в Лежанке посвящено эссе Н. Н. Туроверова «Первая любовь». Автор советует обратить на эссе внимание. Оно того стоит.

¹³⁹ Командовавший группой подпоручик Давыдов, портупей-юнкера Мино и Поссовский, юнкера Златковский, Акимов, Калянский и вахмистр Черкасская вызвались добровольцами, были сняты с позиций под Нахичеванью, и в ночь с 29 на 30 ноября, вместе с ранеными на паровозе проследовали в Новочеркасск.

рое доверие» казачьей сотни одной из расположенных рядом станиц попытается отбить батарею.

Транспорт выступил из Новочеркасска 30 ноября и к вечеру 2 декабря достиг хутора Весёлого¹⁴⁰. По пути следования останавливались на ночь в зимовниках Королькова и Сопрунова. Здесь, как и предполагалось, разделились. 6 декабря группа остановилась в зимовнике в 7 километрах от Лежанки. Была произведена дневная разведка, которая выявила расположение батареи, стоявшей к радости юнкеров на окраине села, остальных частей и полную беспечность, если не отсутствие, караульной службы.

К отряду должна была присоединиться сотня Донского полка, однако казаки, узнав, что предстоит действовать за пределами Области, замитинговали и участвовать в налёте отказались. Лишь небольшая часть казаков пошла с юнкерами. Их роль ограничилась выставленным на окраине села оцеплением.

В десять вечера в темноте отряд в полном составе вошёл в Лежанку. Несмотря на лай собак, караульный был разоружён без выстрела. Захваченная спящей, прислуга сопротивления не оказала¹⁴¹, ездовые под дулами револьверов выводили и запрягали лошадей. До рассвета были выведены из Лежанки два орудия в полной запряжке, с ездовыми и четыре зарядных ящика. Прихватили с собой и денежный ящик батареи. Оставшиеся в Лежанке солдаты выразили на митинге захватившим их батарею юнкерам «порицание». Была предпринята попытка организовать преследование. Погоня батарею «не догнала», потеряв, по всей видимости, верное направление.

9 декабря экспедиция с трофеями благополучно вернулась

¹⁴⁰ Здесь произошла стычка с жителями хутора, которые, заподозрив в Черкасской Великую Княжну Татьяну Николаевну, потребовали сообщить, куда её везут. Толпа рассеялась лишь под угрозой применения оружия. Во время инцидента случайным выстрелом ранил себя в руку и на следующий день отправлен был обратно в Новочеркасск юнкер Акимов.

¹⁴¹ Один из юнкеров, заскочив в помещение командира батареи, разоружил его и «доложил», что его батарея «выступает по приказанию генерала Алексева». Увидев на плечах юнкера погоны Михайловского артиллерийского училища, командир батареи, капитан Владимиров, сказал в ответ:

– Как обидно, что меня разоружает мой младший однокашник...

в Новочеркасск, где была встречена с ликованием. Во время посещения батареи Алексеев представил юнкерам нового командира подполковника Д.Т. Миончинского¹⁴², который провёл её реорганизацию. Был произведён расчёт на два двухорудийных взвода. Первый взвод получил орудия, захваченные в Лежанке. Второй ожидал своей очереди. Были также выделены команда разведчиков, подрывников, телефонистов и хозяйственная служба. Не вошедшие в расчёт 50 юнкеров составили пеший взвод, служивший прикрытием батареи. Следует отметить, что с первых дней Миончинский пользовался среди юнкеров заслуженным уважением.

В начале декабря в Новочеркасске была сформирована Морская рота (около 50 человек)¹⁴³.

Из общего числа первых добровольцев до трети составляли офицеры, свыше половины – юнкера, до 10 % – представители учащейся молодёжи, кадеты, гимназисты, семинаристы. Младших чинов было совсем немного, считанные единицы¹⁴⁴.

Первое время организация испытывала трудности с вооружением. На 600 добровольцев приходилось до 100 «тайком принесённых» винтовок. Обращались к Каледину, но он ничем помочь не мог. Склады находились под контролем настроенных недоброжелательно комитетов, решительно отказывавшихся выдавать даже и стрелковое оружие.

¹⁴² Впоследствии подполковник Миончинский утверждал, что окончательно принял решение вступить в «Организацию» после того, как 9 декабря наблюдал на улице в Новочеркасске прибытие отбитой в Лежанке батареи. Вид солдат-ездовых, не отличающихся от них обмундированием горсточки юнкеров и «доброволицы» Черкасской на фоне красного флага, выставленного для маскировки и так и не снятого, произвели на него сильное впечатление.

¹⁴³ Командир роты капитан 2-го ранга В.И. Потёмкин.

¹⁴⁴ К началу боёв под Ростовом до 70 % Армии составляли юнкера, кадеты и учащаяся молодёжь, юноши от 16 до 20 лет. «Этот первый период существования Добровольческой армии, – пишет Лукомский, – был чисто Добровольческим периодом. В армии не было ни одного человека, который попал бы в её ряды по набору, или по принуждению. Надо было видеть всё это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к Родине, мечтавшее положить свою жизнь за её возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы – чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли».

В первых числах декабря после боёв под Ростовом подразделения Алексеевской организации были переформированы. Вновь создавались 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Офицерские роты. На их базе впоследствии планировалось развернуть батальоны. Георгиевская рота была переименована в 1-ю Офицерскую¹⁴⁵. 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Офицерские роты были сформированы в начале декабря из взводов Сводно-Офицерской роты в Новочеркасске.

2-я Офицерская рота – командир полковник Лаврентьев (до 60 штыков).

3-я Офицерская (Гвардейская¹⁴⁶) – командир полковник А.П. Кутепов (после пополнения в Ростове – до 70 штыков).

4-я Офицерская рота – командир полковник А.А. Морозов (до 50 штыков).

5-я Офицерская рота (ставшая 13 декабря 1-й Офицерской) – командир полковник Борисов (до 60 штыков).

Георгиевская, 1-я и 4-я Офицерские роты оставались в Новочеркасске. 2-я и 3-я Офицерские в середине декабря были переведены в Ростов.

На базе кадра Сводной Михайловско-Константиновской батареи в начале декабря в Новочеркасске был развернут 1-й отдельный легкий артиллерийский дивизион (командир – полковник С.М. Икишев) в составе 3-х батарей:

1-й (юнкерской) – до 14 декабря командир штабс-капитан Н.А. Шаколи, затем подполковник Д.Т. Миончинский;

2-й (офицерской) – командир подполковник Шмидт;

3-й (смешанной) – командир подполковник Л.М. Ерогин.

Взвод 1-й (юнкерской) батареи с 9 по 28 января участвовал в боях в составе отряда Чернецова (2 орудия). В начале января в отряд Кутепова был послан подрывной взвод, а к 27 января и 2-й взвод батареи. 2–3 февраля взвод батареи участвовал в боях под Батайском, а 9 февраля в боях в Темернике.

Предприятие разрасталось, обзаводясь хозяйством, зани-

¹⁴⁵ 13 декабря ей вновь вернули наименование «Георгиевская», а 5-я Офицерская рота, стала 1-й Офицерской.

¹⁴⁶ В её составе было немало офицеров из Гвардейских полков. Отсюда и соответствующее наименование.

мая в городе всё новые здания. Всё это начинало раздражать казаков и даже отдельных членов Войскового правительства. С начала формирования прошла уже не одна неделя. Несколько раз Каледин лично обращался к Алексееву, напоминая об устном обещании вывести «Организацию» за пределы Области. Просил, по крайней мере, не делать никаких официальных заявлений и «вести дело в возможной тайне». Алексейев отмалчивался. Где-либо «за пределами Области» обосноваться можно было только силой. Никаких заявлений он не делал, но и «без огласки» Алексеевская организация существовать не могла. Численный рост её напрямую как раз от огласки и зависел. Чем шире распространялась информация о добровольцах, тем больше офицеров, юнкеров, студентов, гимназистов, гражданских, авантюристов и романтиков, бессребренников-патриотов и, случалось, откровенных проходимцев, устремлялось на юг, пополняя их ряды.

Как пишет Деникин, «Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, писал, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему «последнему делу на земле», как любил говорить старый вождь». И положение начало меняться к лучшему. Причиной этому стали волнения в запасных пехотных полках.

18 ноября 272-й запасный пехотный полк заявил о непризнании власти Войскового правительства. Каледин, ожидавший со дня на день выступления большевиков в Ростове, не мог тратить время на увещевания и переговоры, и приказал разоружить оба полка, 272-й и 273-й запасные. Атаман отдал приказ, но не смог найти ни одной строевой части, готовой его выполнить. Как часто бывало в те дни, казаки заявляли «о нейтралитете». Каледин вынужден был обратиться за помощью к Алексееву.

В итоге, от Алексеевской организации были выделены Юнкерский батальон и 1-й взвод Михайловско-Константиновской батарее (всего до 300–400 штыков – практически все наличные силы), которые совместно с тремя сотнями юнкеров Новочеркасского военного училища 20 ноября без выстрела разору-

жили оба полка¹⁴⁷. Взятым стрелковым оружием восполнили, наконец-то, комплект. Запаслись даже гранатами.

После разоружения запасных полков на «алексеевцев» если и смотрели ещё с недоверием, то перебазироваться за пределы Области столь настойчиво более не предлагали. Становилось очевидным, если так пойдёт и дальше, уже не столько казаки будут прикрывать развёртывание «Организации», сколько добровольцы помогут обеспечить безопасность Войскового правительства.

2.5. Конец Ставки. Бегство «быховцев» на Дон

Поддавив сопротивление ничтожных антисоветских сил в Петрограде и Москве, большевики всё внимание сосредоточили на Ставке. Духонин в качестве Верховного главнокомандующего их больше не устраивал¹⁴⁸.

Армейские комитеты отдельных армий Юго-Западного и Румынского фронтов потребовали немедленно заключить с немцами перемирие. При этом подразумевалось, что мирные переговоры можно вести от имени «какого угодно правительства, только не от большевистского». Перехвати кто-либо у больше-

¹⁴⁷ Добровольцам на этот раз было выдано «некоторое количество» винтовок и патронов.

Юнкерский батальон разоружил 273-й запасный полк, Новочеркасские юнкера – 272-й. Винтовки и патроны команды юнкеров вывозили из казарм в течение двух суток.

¹⁴⁸ С 4 ноября в Ставку начали съезжаться лидеры эсеров и меньшевиков, в частности, Чернов, Фейт, Гоц, Скобелев и др. Прибыл и бывший Военный министр Временного правительства Верховский. Общеармейский комитет также был настроен против большевиков. В ночь на 8 ноября из Ставки от имени Общеармейского комитета фронтовым армейским организациям была отправлена телеграмма с предложением «действующей армии в лице её фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти». Дело дошло до того, что союзные миссии, также находившиеся при Ставке, сносились непосредственно с Верховным, подчёркивая этим, что лишь Ставка является для них единственным органом власти в стране. Такое положение для СНК было, конечно, неприемлемо. К тому же Духонин всячески саботировал продекларированное «ленинцами» перемирие с немцами, что в условиях окончательного разложения фронта могло повлечь за собой самые негативные для большевиков последствия.